

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nypatr@list.ru

ОБРАЗЫ ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛИИ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И СИНТАКТИКА ТРОПЕЙЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ*

Статья посвящена анализу способов и средств создания пейзажа в русской поэзии классического периода. Рассматривается синтактика образов финской и карельской природы. Синтактика образа понимается автором статьи как используемые поэтами модели тропообразования. Актуальность темы статьи определяется растущим в новейшей филологии интересом к исторической поэтике и герменевтике художественного текста. Новизна исследования обусловлена введением термина «синтактика» и разработкой методики лингвопоэтического анализа пейзажных зарисовок в аспекте построения образных парадигм художественного пространства. Цель работы заключается в исследовании моделей тропообразования (синтактики образов) на материале «северной» темы в русской литературе. Анализируемые в рамках статьи стихи Е. Баратынского, П. Вяземского, А. Пушкина, А. Бестужева-Марлинского, В. Бенедиктова, Н. Языкова, Н. Коншина, Ф. Глинки на «северную» тему содержат приметы «оссианического» пейзажа, мотивы воспоминания, богатую метафорику и широкие интертекстуальные связи. С образом Финляндии в русском поэтическом сознании романтической эпохи прежде всего связываются мотивы бурного моря, гранитных скал, вечного, неизменного покоя, а также героический эпос скальдов и подвиги героев «полночной страны», то есть особая северная, «оссиановская» мифопоэтика. В произведениях, посвященных карельской теме, преобладают пейзажные зарисовки скал и лесов над озером, образ водопада. Традиция упоминать петровские преобразования в связи с северной темой из романтической лирики почти совершенно уходит. Вследствие этого более богат культурно-историческими ассоциациями в романтической поэзии оказывается образ не Карелии, а Финляндии. Разработка «финской» и «карельской» тем отличается и по синтактике (построению) самих образов двух северных областей: при описании Финляндии поэты чаще прибегают к модели минимального контекста атрибутивно-именного словосочетания, легко усваиваемого поэтической традицией в качестве формул-клише, в то время как живое описание карельских просторов строится преимущественно в моделях предикативных, путем введения не отдельных деталей или упоминания экзотических феноменов, а пространных описаний, с целым набором пейзажных ситуаций. Кстати, подобная архитектура образов Финляндии и Карелии, как кажется, нацелена и на подчеркивание панхронизма и неизменности при изображении финского мира (застывшая мифическая древность) и, напротив, происходящей на глазах лирического героя «здесь» и «сейчас» жизни карельской природы.

Ключевые слова: пейзажная лирика, синтактика образа, северная тема в русской поэзии, финские и карельские мотивы, северный пейзаж

Для цитирования: Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтактика тропейческих контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349

ВВЕДЕНИЕ

В работах по истории русской поэзии представлен только общий обзор пейзажной лирики, посвященной Северу России и Финляндии [1], [2], [3], [8], [9], но специальный подробный анализ обращения русских поэтов к карельской и финской теме еще не предпринимался. Само слово *север* в художественном сознании русских писателей долгое время отождествлялось не только с петровскими преобразованиями, но и с Российской державой вообще (для объяснения причин подобной универсализации понимания северной

темы достаточно упомянуть «варяжскую теорию» скандинавского, то есть северного, происхождения русской государственности, которой придерживался Карамзин и которую разделяли многие другие деятели отечественной словесности, а также высказанную еще античными авторами популярную идею легендарной страны «гипербореев», существовавшей некогда на унаследованной северянами территории).

Цели нашей работы: найти в произведениях русских поэтов первой половины XIX века описания Финляндии и Карелии, проанализировать

пейзажные образы с точки зрения формирования поэтической традиции и сами образные контексты в аспекте их синтагматики и синтактики, то есть моделей тропообразования, средств создания образов и синтагматики ключевых слов.

Задачи:

- 1) опираясь на ключевые слова «Финляндия», «Карелия» («Карела», «Корела»), «Гельсингфорс», «Онега», «Ладога», «Кижы», «Соловки», «Валаам», «Белое море», «Петрозаводск», «Олонец», «Кивач», «финский», «карельский» и некоторые др., осуществить выборку материала из поэтического подкорпуса «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru)¹,
- 2) выяснить, кто из русских поэтов обращался к теме нашего северного края, что и почему привлекало художников слова в карельских и финских пейзажах,
- 3) осуществить анализ образных контекстов, характеризующих северный пейзаж, с точки зрения формирования более или менее устойчивых формул – поэтических клише, а также выявить особенности построения тропеических синтагм – в терминах данной статьи, синтактику образов.

«ФИНСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ИСТОКИ

Первые примеры обращения русских поэтов в «финской» теме находим в одах М. В. Ломоносова («Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова», 1741), посвященных победам русского оружия в сражениях со шведами. Первым, как кажется, новый, пейзажный поворот в разработке «финляндской» темы предложил в самом конце XVIII столетия А. Х. Востоков в стихотворении «К Фантазии» 1798 года, где «северны поморья льдисты» являются вполне очевидной отсылкой к ломоносовским одам: *И дебри Финнов каменисты, И северны поморья льдисты Теряют свой унылый вид*².

В 1820-е годы «финляндская» тема становится очень популярной у романтиков, всегда питавших интерес к историческому и местному колориту, национальной экзотике, особенно в связи с увлечением так называемыми «оссианическими» мотивами, подражанием песням барда-скальда Оссиана из известной литературной мистификации и вольной переложки кельтских преданий Макферсона («оссианические» мотивы тоже причудливо переплетались в сознании русских поэтов с образом барда и пейзажами «Слова о полку Игореве»). Многие приметы «оссианических» поэм – атрибуты северной («полуночной») темы, «граниты», «утесы», «скалы», «луна», «ночь», «угрюмый лес»

и т. п., встречаем в романтических элегиях сосланного в Финляндию Е. А. Баратынского (например, в «Финляндии» 1820 года), – см. материалы таблицы 1. Еще в 1820 году, на службе в Нейшлотском полку, с унтер-офицером Баратынским познакомился и близко сошелся Н. М. Коншин, будущий русский писатель и переводчик. Очевидно, в подражание элегии Баратынского в 1823 году написана «Финляндия» Коншина. Вероятно, не избежал ставшей уже очень популярной элегии Баратынского и А. А. Бестужев-Марлинский, написавший свою «Финляндию» в 1829 году. Старший друг Баратынского П. А. Вяземский использует образ «льдов Финляндии суровой» в стихотворении, посвященном поэту и участнику финляндских походов Д. Давыдову. Также в связи с воинской биографией Д. Давыдова появляется традиционный образ «финских гранитов» у Николая Михайловича Языкова в стихотворении «Д. В. Давыдову» (1835). А. С. Пушкин ранее в стихотворении «Клеветникам России» (1831) использует похожую деталь (см. табл. 1).

«КАРЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ИСТОКИ

Первым, кто упоминает о землях вокруг Белого моря, Онежского и Ладожского озер, в русской поэзии стал М. В. Ломоносов: в поэме «Петр Великий» 1760 года рассказывается о путешествии русского царя-реформатора от Белого моря к Онеге, через Олонец к Шлиссельбургу. Другой замечательный русский поэт периода позднего классицизма и сентиментализма Г. Р. Державин в 1784–1785 годах был губернатором Олонецкого края. Несколько лет спустя после отъезда из Петрозаводска поэт напишет оду «Водопад», вспоминая, очевидно, посещение прекрасного карельского водопада во время поездки к Белому морю по делам службы.

Однако особый интерес к теме Карелии демонстрируют все же произведения писателей романтической эпохи. Так, поэт и офицер Ф. Н. Глинка был сослан в Петрозаводск за участие в движении декабристов и пробыл в Карелии с 1826 по 1830 год. Находясь в ссылке, Глинка пишет историческую поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1828–1830), обращая внимание своих читателей на безлюдность, первозданную дикость карельской земли, ее природную красоту и мощь лесов, скал и озер, рисуя их уже по сложившейся в русской лирике в связи с изображением русского севера и Финляндии традиции в «оссианическом» ключе (см. табл. 2).

Творческая судьба поэта – символа переходной для русской литературы эпохи 1840-х годов В. Г. Бенедиктова, находившегося тогда в зените мимолетной громкой славы, оказалась, так же на время, как и у Ф. Глинки, тесно связанной с карельским краем. Годы пребывания в Петрозаводске не прошли бесследно для Бенедиктова, поскольку картины нашего сурового северного края как воспоминания о детских и юношеских

годах мы находим в стихотворениях поэта 1835–1841 годов «Утес», «Озеро», «Горячий источник», «Порыв», «К товарищам детства», насыщенных яркими метафорами, эпитетами, олицетворениями (см. табл. 2).

ТРОПИКА И СИНТАКТИКА ОБРАЗОВ ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛИИ

Стихи на «северную» тему содержат приметы «оссианического» пейзажа, мотивы воспоминания, богатую метафорику и широкие интертекстуальные связи. С образом Финляндии в русском поэтическом сознании романтической эпохи прежде всего связываются мотивы бурного моря, гранитных скал, вечного, неизменного покоя, а также героический эпос скальдов и подвиги героев «полночной страны», то есть особая северная, «оссиановская» мифопоэтика. В произведениях, посвященных карельской теме, преобладают пейзажные зарисовки скал и лесов над озером, образ водопада. Традиция упоминать

петровские преобразования в связи с северной темой из романтической лирики почти совершенно уходит. Вследствие этого более богат культурно-историческими ассоциациями в романтической поэзии оказывается образ не Карелии (поэзии пушкинской эпохи по преимуществу пространственно-географический), еще богатый историческими деталями у Ломоносова и Державина, а Финляндии, напоминающей романтикам о временах древних бардов, о богах и героях скандинавской мифологии (до первого, 1888 года, перевода Л. П. Бельским собранного и обработанного к 1835 году Э. Леннротом эпоса «Калевала» было еще около полувека, и карельские мифологические сюжеты вдохновляли поэтов уже XX века: О. Мандельштам, Н. Клюева³ и др.).

Разработка финской и карельской тем отличается и по синтактике (построению) самих образов двух северных областей: при описании Финляндии поэты чаще прибегают к *модели минимального контекста атрибутивно-именного*

Таблица 1

Образ Финляндии: синтактика образа

Тип синтаксической конструкции	Поэтические контексты
<i>Бинарные атрибутивно-именные сочетания (прил. + сущ.)</i>	граниты финские, граниты вековые; буйный ветер; глубокой тишине; каменной отчизны; финских берегах; пустынных скал; скалы суровы; печальная страна; финским небесам; финские граниты; Финляндии суровой; в чужой, далекой стороне (Баратынский); к убийственному краю; Громад нетленных (Коншин); граниты вековые (Бестужев-Марлинский); финские граниты (Языков); финских хладных скал; волны финские; печальные скалы; дремучие дубравы; под финским небосклоном (Пушкин)
<i>Субстантивные сочетания (сущ. + сущ.)</i>	среди молчанья ночи; отчизна непогоды; моря рев (Баратынский); пещеры скал (Пушкин)
<i>Именные сочетания расширенного состава</i>	земли ледяного венца богатыри сторожевые; отечество Одиновых детей; сыны могучие сих грозных, вечных скал; с пустынных финских гор, в отчизне бранного Одена; сосен вечный шум (Баратынский); в пустынях полуночной дали; в безлюдьи каменной глуши (Коншин); Финляндии угрюмое чело; древних гор заветные скрижали; в безлюдьи каменной глуши (Бестужев-Марлинский); льды Финляндии суровой (Вяземский); отчизны дальней угрюмый край (Пушкин)
<i>Конструкции с обособлением</i>	гроздам, миру современным; ветр, бессмысленно свистящий среди ущелин Финских гор (Баратынский)
<i>Предикативные сочетания (грамматическая основа + распространители)</i>	Слилось море с небесами; ... с каменной горы к нему дремучий бор Сошел тяжелыми стопами...; На скалы финские без мрака ночь нисходит; воды чуждые шумят; безжизненна весна; солнце нехотя сияет (Баратынский); Здесь солнце тусклое не греет, И дни и ночи тяжелы; Здесь чуть лишь ель зазеленеет, Прильнув над трещиной скалы; Здесь нет поры условной года, Здесь только стужа иль тепло, И грозно дикая природа, Подъяв гранитное чело, Глядит бесчувственно на время, Не изменяясь, как оно; О темя бури рассекая, С земли бегущие к морям, Ее развалина немая Уныло воеет по ночам! (Коншин); ...юное творение впервые Нетленною развалиной взшло. Страхнув с ramen балтийские воды, Возникли вы, как остовы природы! Там рышет волк, от глаза свирепея, На черепе там коршун точит клев, Печальный мох мерцает следом змея, Трепещет ель пролетом облаков; Туманы там — утесов неизменной И дышат век прохладой осенней. Не смущены долины жизни шумом; Иглением седеет дальний бор; Уснула тень в величии угрюмом На зеркале незыблемых озер; И с крутизны в пустынные заливы, Как радуги, бегут ключи игривы. Там силой вод пробитые громады Задвинули порогом пенный ад, И в бездну их крутятся водопады, Гремучие, как воющий набат; Им вторит гул — жилец пещеры дальней ... Бушующее море Вздыхало в губительный потоп И, мощное в неодолимом споре, Дробилося о крепость ваших стоп; Вам жаркие и влажные перуны Нарезали чуть видимые руны. ...сияло Светило дня, злата ступени скал, И океан, как вечности зеркало, Его огнем живительным пылал... (Бестужев-Марлинский)

словосочетания, легко поэтической традицией усваиваемого в качестве *формул-клише*, в то время как живописание карельских просторов строится преимущественно в *моделях предикативных*, путем введения не отдельных деталей или упоминания экзотических феноменов, а пространных описаний с целым набором пейзажных ситуаций – например, предикаты

в формах индикатива и императива: *блещат ... лучи; летит ... борей; верхи золотых зыбей сверкают; открылся диких камней град* (Ломоносов); *алмазна сыплется гора; шуми, о водопад!* (Державин); *стекло озер сияет; зажжется Север и пылает; кудри алые рябин висят на мраморных утесах* (Глинка); краткие предикативные прилагательные, сопровождаемые

Таблица 2

Образ Карелии: синтактика образов

Тип конструкции	Поэтические контексты
<i>Атрибутивно-именные сочетания (прил. + суц.)</i>	вековую красу; над озером бурным, в угрюмом лесу; из двери гранитной; край дикий (Бenedиктов)
<i>Именные сочетания расширенного состава</i>	на раздольях Карелии дикой; приволье широких дубрав (Бenedиктов)
<i>Предикативные сочетания (грамматическая основа + распространители)</i>	<p>Пуста в Кареле сторона, Безмолвны Севера поляны; В тиши ночной, как великаны, Восстав озер своих со дна, В выси рисуются обломки – Чуть уцелевшие потомки Былых, первоначальных гор... Зачем стекло озер сияет, И яркий радужный наряд, И льдистые лесов алмазы? В сих делях, диких и пустых, Никто картин не видит сих!.. Ночное небо – тут бывает – Вдруг разгорится, все в лучах, Зажжется Север и пылает. Огни, то в пламенных столпах, То колосистыми снопами, Или кудрявыми дугами, Яснея в холодной высоте... Ночную даль пожар узорит, И золото с румянцем спорит В выси и в зеркале озер... Пустынь карельских озера Приемлют, стихнув, ясность стали Иль вид литого серебра... Нема, глуха страна сия!.. Дика Карелия, дика!.. Малы, рассеяны в нем селы; Но сладок у лесной Карелы Ее бесписменный язык... Но живописна ваша осень, Страны Карелии пустой! С своей палитры дивной кистью, Неизъяснимой пестротой Она златит, малюет листья: Янтарь, и яхонт, и рубин.. И кудри алые рябин Висят на мраморных уступах... Здесь поздно настанет весна. Глубоких долов, меж горами, Карела дикая полна: Там долго снег лежит буграми, И долго лед над озерами Упрямо жмет к берегам. Уж часто видят: по лугам Цветок синее подснежный И мох цветистый оживет Над трещиной скалы прибрежной, А серый безобразный лед (Когда глядим на даль с высот) Большими пятнами темнеет, И от озер студеным веет... И жизнь молчит, и по горам Бедна карельская береза; И в самом мае по утрам Блистает серебро мороза... Но что шумит?.. В пустыне шепот Растет, растет, звучит и вдруг Как будто конной рати топот Дивит и ужасает слух!.. Кивач! Кивач!.. Ответствуй, ты ли?.. И высал бурю он в ответ!.. Кипя над четырьмя скалами, Он с незапятнанных лет, Могучий исполин, валами Катит жемчуг и серебро; Когда ж хрустальное ребро Пронзится горными лучами, Чудесной радуги цветы Его опутают, как ленты; Его зубристые хребты Блещат – пустыни монументы. Таков Кивач, таков он днем! Но под зарею летней ночи Вдвойне любят им очи: Как будто хочет небо в нем На тысячи небес дробиться, Чтоб после сна целым слиться Внизу, на зеркале реки... (Глинка);</p> <p>Отвсюду объятый равниною моря, Утес гордо высится, – мрачен, суров, Незыблем стоит он, в могуществе спора С приобями волн и с напором веков. Валы только лижут могучего пяты... Мох серый ползет на широкие скаты... Взлетел и застыл он твердыней гранита, Ему не живителен солнечный луч... И дик и угрюм он, – зато он могуч! Зато он неистовой радостью блещет, Как ветры помчатся в разгульный свой путь, Когда в него море бурунами хлещет И прыгает жадно гиганту на грудь. Вот молнии пламя над ним засверкало. Перун свой удар ему в темя нанес – Что ж? – огненный змей изломил свое жало, И весь невредимый хохочет утес (Бenedиктов);</p> <p>...деревья родные! ... слезы катились у вас смоляные Живым янтарем из-под темной коры, Как вы мне, сгибаясь, главами кивали, Даря свой последний, унылый привет... (Бenedиктов);</p> <p>В дали бесконечной виднелись леса... – у них небеса На самых вершинах лежали... вдруг налеты неведомых сил Могучую влагу сердили И вздутые в бешенстве яром валы Ровесницы мира – кудрявой скалы Чело недоступное мыли!.. под роскошной мглой Все покой вкушало, Сладкой свежестью ночной Озеро дышало... (Бenedиктов);</p> <p>...синелась, шумела вода, – Далеко, далеко, не знаю куда, Катились всё волны да волны. Забуду ль ваш вольный, стремительный бег, Вы, полные силы и полные нег, Разгульные, шумные воды?.. Нет, врезалось, озеро, в память ты мне! В твоей благодатной, святой тишине, В твоём бушеванье угрюмом – Душа научалась кипеть и любить И ныне летела бы ропот свой слить С твоим упительным шумом! (Бenedиктов);</p> <p>В краю, где природа свой лик величавый Венчает суровым сосновым венцом И, снегом напудрив столетни дубравы, Льдом землю грунтует, а небо свинцом; В краю, где, касаясь творений начала, Рассевшийся камень, прохваченный мхом, Торчит над разинутой пастью провала Оскаленным зубом иль голым ребром, Где в скучной оправе, во впадине темной, Средь камней простых и нахмуренных гор, Сверкает наш яхонт прозрачный, огромной – Одно из великих, родимых озер; Где лирой Державин бряцал златогрунной, Где воет Кивача «алмазна гора»... Да здравствует севера угол суровый, Пока в нем онежские волны шумят, Потомками вторится имя Петрово И бардом воспетый ревет водопад! (Бenedиктов)</p>

связкой: *безмолвны Севера поляны; живописна ... осень* (Глинка); *утес ... мрачен, суров, незыблем стоит* (Бенедиктов) и др., – подобная архитектоника образов Финляндии и Карелии, как кажется, нацелена и на подчеркивание панхронизма и неизменности при изображении финского мира (застывшая мифическая древность) и, напротив, происходящей на глазах лирического героя «здесь» и «сейчас» жизни карельской природы.

«Пейзажные» «северные» формулы-клише формируются с участием таких прилагательных-эпитетов, как **ФИНСКИЙ** (скалы, граниты, берег, небеса, небосклон, волны, ночь), **КАМЕННЫЙ** (отчизна, глушь, гора), **УГРЮМЫЙ** (величие, край, утес, бушеванье, лес), **СУРОВЫЙ** (скалы, утес, Финляндия), **ВЕКОВОЙ**, **ВЕЧНЫЙ** (гранит/-ы, развалина, шум, краса), **ПЕЧАЛЬНЫЙ** (страна, мох, скалы), **ПУСТЫННЫЙ** (залив, горы, скалы), **ДИКИЙ** (природа, Карелия, дебри, утес, край). Используются перифрастические формулы для наименования Финляндии: «отчизна непогоды», «отчизна дальная», «печальная страна», «отчизна бранного Одена», «отчество Одиновых детей». Интересно, что ожидаемые эпитеты «полночный», «северный» или «холодный» поэтами не привлекаются; только трижды употреблен топоним **СЕВЕР** и дважды гидроним **ВОДО-**

ПАД, зато гораздо более активно используются **ЛЕС** (4), **МОРЕ** (6), **ЛЕД**, **ЛЬДИСТЫЙ**, **ЛЕДЯНОЙ** (6), **ГРАНИТЫ**, **ГРАНИТНЫЙ** (8), **ОЗЕРО** (11), **СКАЛА** (12).

ВЫВОДЫ

Пейзажные образы ярко воплощаются поэтами благодаря обильно ими вводимой богатой тропике: эпитетам, метафорам, олицетворению, оксюмору: угрюмые громады, могучие утесы, гранитные скалы, дикие леса, бурные ветер и море, пустынные просторы, безжизненна весна, суровая природа и т. п., которые передают мотив одиночества, чувство печали и тоски как эмоциональную доминанту северной темы у романтиков, элегическую тональность, далекую по настроению от риторического пафоса и торжественного тона ломоносовских или державинских стихов о Карелии.

Представляется вполне плодотворным продолжение исследования в аспекте анализа карельской и финляндской темы в русской поэзии середины XIX – начала XX века, когда, как уже показали предварительные наблюдения [4], [5], многие русские поэты эпохи предсимволизма и модернизма вновь часто обращают свой взор к Кивачу, Кижам [6], [7], Соловкам и Валааму – символам карельской земли.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения 12.05.2018).
- ² Здесь и далее поэтические тексты цит. по НКРЯ.
- ³ Однако первое упоминание о герое карело-финского эпоса Вяйнямёйнене встречается еще в поэме Ф. Глинка «Карелия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1955. 311 с.
2. Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв.: (Геокультурный аспект). М.: Наследие, 1998. 95 с.
3. Мальчукова Т. Г. Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 264 с.
4. Маркова Е. И. Олонецкие храмы в поэзии Н. Клюева // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2003. С. 286–291.
5. Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5 (142). С. 87–91.
6. Шилова Н. Л., Урванцева Н. Г. Кижский текст в русской литературе XX–XXI веков: к библиографии вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 3 (156). С. 85–90.
7. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Материалы междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.
8. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.
9. Kiparsky V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki: Oy Suomen kirja, 1945. 263 s.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

IMAGES OF FINLAND AND KARELIA IN RUSSIAN ROMANTIC LYRIC POETRY: FORMATION OF POETIC TRADITION AND SYNTAX OF TROPE CONTEXTS*

The poems of E. Baratynsky, P. Vyazemsky, A. Pushkin, A. Bestuzhev-Marlinsky, V. Benediktov, N. Yazykov, N. Konshin, F. Glinka, which are analyzed in this article, have a “Northern” theme and include the features of “Ossianic” landscape, motifs of memories, rich metaphors and wide intertextual links. The image of Finland in the Russian poetic consciousness of the Romantic Era is primarily associated with the motifs of the stormy sea, granite rocks, eternal and unchanging calm, as well as the heroic epics of the skalds and the exploits of the heroes of the “midnight country”, that is, the special northern “Ossian” mythopoetics. The landscape sketches of rocks and forests over the lake, as well as the image of the waterfall prevail in the works devoted to the Karelian theme. The tradition of mentioning Peter’s transformations in connection with the northern theme of the romantic lyric poetry almost completely disappears. As a consequence, the image of Karelia, not Finland, turns out to be richer in cultural and historical associations in romantic poetry. The development of the “Finnish” and “Karelian” themes also differs in the syntactics (construction) of the images of two northern regions: when describing Finland, poets often use the model of the minimal context of attributive nominal word combinations, an easy poetic tradition that is assimilated as cliché formulas, while the depiction of the Karelian expanses is built primarily using the predicative models, by introducing not the individual details or mentioning the exotic phenomena, but by the lengthy descriptions with a whole range of landscape situations. Besides, such architectonics of the images of Finland and Karelia seems to be aimed at emphasizing panchronism and immutability in the depiction of the Finnish world (frozen mythical antiquity) and, on the contrary, the life of Karelian nature appearing in front of the lyric hero “here” and “now”.

Key words: landscape lyric poetry, syntactics of image, northern theme in Russian poetry, Finnish and Karelian motifs, northern landscape

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “Syntactic dictionary of Russian poetry of the XIX century”, No 17-04-00168).

Cite this article as: Patroeva N. V. Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyric poetry: formation of poetic tradition and syntax of trope contexts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349

REFERENCES

1. Bazanov V. G. Karelia in Russian literature and folklore of the XIX century. Petrozavodsk, 1955. 311 p. (In Russ.)
2. Lavrenova O. A. Geographic space in Russian poetry between the XVIII and the early XX centuries. Moscow, 1998. 95 p. (In Russ.)
3. Malchukova T. G. Northern theme in Russian poetry of the XVIII and the first third of the XIX centuries. Petrozavodsk, 2009. 264 p. (In Russ.)
4. Markova E. I. Olonets temples in Nikolai Klyuev’s poetry. *Orthodoxy in Karelia. Proceedings of the Second International Scientific Conference Commemorating the 775th Anniversary of Christianization of the Karelians*. Petrozavodsk, 2003. P. 286–291. (In Russ.)
5. Patroeva N. V. Karelian motifs and folklore elements in Robert Rozhdestvensky’s lyric poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 5 (142). P. 87–91. (In Russ.)
6. Shilova N. L., Urvantseva N. G. Kizhi Island in Russian literature of the XX-XXI centuries: bibliography of the topic. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 3 (156). P. 85–90. (In Russ.)
7. Shilova N. L. Kizhi text in Russian literature. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future. Proceedings of the International Scientific Conference “The First Moscow Antsiferov Readings”*. Moscow, 2012. P. 391–395. (In Russ.)
8. Epshtein M. N. The nature, the world, the hiding place of the universe. System of landscape images in Russian poetry. Moscow, 1990. 303 p. (In Russ.)
9. Kiparsky V. Finland in Russian literature. Helsinki, 1945. 263 p.

Received: 1 April, 2019